

АНАТОМИЯ

ЛЮБВИ

Этой осенью не стало драматурга Виктора Розова. Он умирал долго и трудно, съедая раком, — в течение четырех лет. Его жена, Надежда Варфоломеевна, не отходила от него ни на один день. В больнице, дома, в хосписе для умирающих — везде.

— Мама, — умоляли ее дети, — так нельзя! Ты же не выдержишь, ты угрозишь себя! Пусть сегодня в больницу поедет кто-нибудь другой!

— Пусть едет кто-нибудь еще, — соглашалась она. — Но и я тоже.

— Ну почему обязательно ты?

— Потому что я — жена...

Но это сейчас. А тогда, почти 70 лет назад, все было иначе.

20-летний костромской паренек Витя Розов приехал в Москву в 1934-м — поступать в театральную школу. Он бы приехал и раньше, но будущий знаменитый писатель учился из рук вон плохо, был второгодником — в 5-м классе остался как раз из-за русского языка, из-за утверждения, что слово "кусты" является глаголом. Поэтому и закончил среднюю школу позже, чем полагается.

Его приняли в школу Театра революции — ныне в этом здании находится Театр им. Маяковского. Общежития при школе не было, и каждого поступающего спрашивали, есть ли у него жилье в Москве.

— Конечно, есть! — бодро ответил Витя.

Жилья у него не было абсолютно никакого. Будучи студентом 1-го курса, он ночевал на скамейках бульваров — пока было тепло, потом на вокзалах — пока не выгоняли. Потом, когда обзавелся в столице друзьями, его иногда пускали ночевать в квартиры.

Однажды кто-то из знакомых сказал ему, что на примете есть комната, где можно ночевать даром. Не веря своему счастью, Витя помчался в Зарядье, поднялся на второй этаж указанного дома. Полнотелая женщина, открывшая дверь, окинула его плотоядным одобрителем взглядом:

— Вот ты какой... Ладно, годится!

Он пулей вылетел из подъезда. И отправился спать на вокзал. И потом, лежа на жестких скамейках, греясь в вестибюлях метро, коченея рано утром у входа в театр (занятия начинались позже, чем приходилось покидать очередное пристанище), он ни разу не пожалел об этом своем бегстве.

В Костроме у него осталась первая любовь. Но дело даже не в этом. Просто о какой Веронике потом могла бы идти речь!

...Ее он встретил в новогоднюю ночь — вторую свою новогоднюю ночь в Москве. Домашний праздник вне дома, вдали от семьи, любимой девушки не обещал ничего хорошего. После вечернего спектакля, где студенты были заняты в массовках, приятель Розова предложил пойти встречать Новый год к своим знакомым. У театрального костюмера выпросили из гардеробной пиджак — иначе надеть было нечего. Идти в чужой дом не хотелось. Наступающий 1936 год не предвещал ничего хорошего...

И все-таки не зря новогодняя ночь считается ночью чудес. Она стояла в дверном проеме, на фоне сверкающей елки. Золотые кудряшки, синее платье с большим кружевным воротником, 16 лет от роду... Надя Козлова, студентка театрального училища. Он влюбился в нее в тот момент, когда открылась дверь. Сразу и навсегда, окончательно и бесповоротно. Впоследствии Виктор Сергеевич очень жалел людей, утверждающих, что любви с первого взгляда не бывает.

К тому времени у него уже было свое жилье — или почти свое. Угол в коммуналке, в келье бывшего Зачатьевского монастыря, Зачмона, как называл его Розов. Темные длинные коридоры, в каждом из которых выходили двери 12 коросечных келий. В каждой келье — семья. На кухне — 12 столов, столько же корыт, чадающих керосинок, помойных ведер. И повсюду — детские коляски, баки для белья, веники, тряпки, ободранные шкафы... Именно на этой кухне впоследствии было написано большинство пьес Розова.

Счастье улыбнулось ему улыбкой жилицы одной из келий, Пелагеи Ивановны. Она сдала ему угол в своей 10-метровой клетушке.

— Спать можете на этом сундуке, — сказала она. — Правда, он короткий, но на ночь я вам буду давать табуретку, положите на нее ноги.

У хозяйки кельи не было никого из близких. Единственная дочка умерла еще маленькой, и Пелагея Ивановна хранила ее отрезанную косичку. Когда хозяйка умерла, Виктор Сергеевич положил эту косу к ней в гроб.

Старая и больная, Пелагея Ивановна через какое-то время уже не могла встать с постели, переодеться сама. Виктор приносил ей еду из театраль-

Они очень любили друг друга. Но, когда Володя ушел на фронт, Вероника вышла замуж за другого. А Володя погиб.

В 60-х над этой историей плакала вся страна. Да и потом тоже... Наверное, пьесу "Вечно живые", по которой снят знаменитый фильм "Летят журавли", можно назвать историей одного предательства. Но почему-то кажется, что, если бы Володя вернулся с войны, они с Вероникой жили бы долго и счастливо. И сейчас можно с уверенностью сказать: да, это действительно было бы так. Женщина, ставшая прообразом Вероники, живет в Москве. Со своим Володей она познакомилась в новогоднюю ночь семьдесят лет назад.

Кадр из фильма "Летят журавли".

ИСПОВЕДЬ

РОЗОВОЙ ЖЕНЩИНЫ

В фильме "Летят журавли" Виктор Розов раскрыл подноготную своей невесты

Венчание в хосписе.

Сейчас Надежда Варфоломеевна почти не разговаривает после перенесенного инсульта — сказались четыре тяжелых года возле умирающего мужа. Поэтому об истории любви своих родителей говорят их дети: режиссер Сергей Викторович и Татьяна, актриса МХАТа им. Чехова.

Татьяна Розова: "Настрадался отец с ней немало... 10 лет добивался. Как смог? Может быть, это звучит неромантично, но я думаю, мама сделала выбор сознательно, смогла оценить его отношение, его верность. Она вообще удивительная: в повседневной жизни она может быть и такой, и сякой... Но ее легкомыслие — до первой беды. Как только случается что-то серьезное, нет человека надежнее, мудрее. Когда началась война, и отец ушел на фронт, все изменилось. Она писала ему письма, она ждала..."

Сергей Розов: "С войны, из госпиталя отец вернулся на костылях. Маму это не только не оттолкнуло от него, а, думаю, наоборот, подстегнуло. Именно тогда, по возвращении мамы из эвакуации и отца из Костромы, где он лечился после ранения, они и решили пожениться. Когда кончится война..."

...Веронике в пьесе Виктора Розова трудно назвать предательницей — несмотря ни на что. Она просто запутавшаяся в сложной и страшной жизни девочка, слишком поздно понявшая, что к чему... Надя Козлова поняла это вовремя.

О начале войны он узнал в Пятигорске, где гастролировал тогда театр. Вместе с прочей театральной молодежью обрадовался: случилось что-то грандиозное! Веселая шумная толпа отправилась в кафе-мороженое — отмечать событие. Все дурачились и смеялись, разливали в вазочки из-под мороженого шампанское и пили его с криками "ура!"

Идиотизм? Кошунство?

Но уже 10 июля 1941 года Виктор Розов шагнул по 2-й Звенигородской улице, отправляясь на фронт с Краснопресненской дивизией народного ополчения. Большинство друзей, отмечавших вместе с ним начало войны, тоже ушли воевать...

...Что такое ополчение? Одна винтовка на троих. Формулируя боевую задачу, им сказали: "Ребята, хотите правду? Если немцам придется целый день расчищать себе дорогу от ваших трупов, это будет победа".

Розов принял участие в одном-единственном бою. Ему повезло — тяжело раненный, он все же остался жив.

В госпиталях провел год, вышел хромым, на костылях. Актер не может быть хромым. Профессию пришлось менять. В 43-м Розов поступает в Литинститут, в этот же год пишет пьесу "Вечно живые" — свою первую большую пьесу.

А 9 мая 1945 года они с Надей отправились в загс. Правда, расписаться в тот же день, как было задумано, не удалось — таких, как они, оказалось слишком много. Днем рождения их семьи стало 15 мая...

Пьесу "Вечно живые" запретили сразу после написания. Председатель реперткома вызвал к себе Розова и сказал:

— Прочел, признаюсь, плакал. Но к постановке запрещаю...

Шла война, и рассказывать историю солдата, которого бросила невеста, было нельзя.

Не пошла пьеса и в последующие годы — тема

войны была не слишком популярна и при Сталине, и при Хрущеве. День 9 мая был обычным рабочим днем вплоть до 1965 года, когда Брежнев впервые торжественно отметил 20-летие Победы и ввел в обиход новый праздник.

На театральной сцене "Вечно живые" появились лишь с 1956 года. Но, невзирая на неудачу с первым детищем, Виктор Розов продолжал писать пьесы, которые вскоре широко пошли в театрах страны.

Сергей Розов: "Поначалу отец готовил еду сам — мама работала в театре, приходила поздно, а он — свободный художник. Это несколько не тяготило его. Говорил: "Стою у плиты, а мысли вертятся, вертятся!" Он не понимал людей, которым для работы нужна особая творческая атмосфера, тишина, уединение. Мог писать на кухне, на дачной террасе, когда в доме полно народу, гости, дети — и все шумят, бегают туда-сюда... В Зачмоне его любили все. Одна соседка говорила: "Всего и было на земле три порядочных человека: Христос, Ленин и Виктор Сергеевич!" Отец рассказывал, что у них в этой коммуналке никогда не было не только ссор — малейших столкновений. Все очень тепло друг к другу относились..."

Он всегда обожал делать жене приятные сюрпризы. Среди зимы просил знакомых привезти с юга какие-нибудь необыкновенные синие розы и встречал ее с ними. Даже приобретение новой квартиры скрывал до последнего момента. Вещи из зачмоновской кельи перевез сам, тихонько, пока Надежда была на репетиции. А потом заехал за ней в театр: "Едем домой!"

— Мы не в ту сторону едем, — удивлялась она.

Надежда не хотела иметь детей. Они помешали бы театральной карьере, а ей прочили большое будущее. Но муж мечтал о детях, и она не считала себя вправе отказать ему. Сначала родился Сергей, через 7 лет — Таня. Если после рождения сына она еще пыталась совмещать семейные обязанности с работой, то второй ребенок ознаменовал завершение ее артистической карьеры. Она оставила любимую сцену, сделав выбор между ролью жены и матери и всеми прочими ролями.

Друзей у него всегда было много, но самыми близкими оставались его костромские друзья детства. Каждый Новый год они собирались у Виктора Розова праздновать день, ставший главным днем его жизни. И с каждым годом гостей становилось все меньше. Виктор Сергеевич стал последним из этой веселой шумной компании.

До последних лет он вел деятельную жизнь. Выступал на творческих вечерах, писал статьи, ходил на все премьеры. Нелады со здоровьем, инфаркты не могли выбить его из привычного ритма.

Последние четыре года явились резким контрастом со всей его предыдущей жизнью. Сначала Виктор Сергеевич надеялся, что вот-вот встанет. Но время шло, а состояние становилось все хуже...

— Отец безумно устал, — говорит Татьяна, — устал лежать, ничего не делать. И от этой усталости у него постепенно атрофировались все желания, мысли, эмоции... Когда он еще был жив, я иногда говорила о нем в прошедшем времени. Не потому, что хоронила до срока, а потому, что это был уже не он... Было невероятно тяжело видеть его таким — выбитым из седла, неподвижным, подавленным.

Впрочем, прежде чем угасли последние чувства, Виктор Розов успел сделать очень важное и совершенно неожиданное для окружающих дело.

Три последних года Виктора Сергеевича на лето помещали в хоспис — потому что там были кондиционеры и пандусы, по которым кресло-каталку, а потом, когда он уже не мог сидеть, и кровать можно было вывозить во двор. Надежда Варфоломеевна находилась с ним там постоянно. Она давно уже стала тенью мужа...

За три года до его смерти они обвенчались — в часовенке при хосписе. Он никогда не был набожным человеком, но с течением времени все чаще задумывался о Боге.

— Папа хочет венчаться, — сказала Татьяна матери. — Что ты на это скажешь?

— Я что? Я — как дед...

"На венчании мама была хороша необыкновенно — ну просто молодая невеста! — голос Татьяны становится чуть громче дыхания. — Они оба стояли такие взволнованные, трепетные... Знаете, я словно своими глазами увидела их такими, какими они были почти 50 лет назад, 15 мая 1945 года..."

Наверное, сейчас там, в далеком далеке, откуда нет возврата, он с легким сердцем ждет встречи со своей Вероникой...

Ирина ФИНЯКИНА.

Она была актрисой.